

характеризовался прежде всего внешними чертами: одеждой, по которой узнавался князь, воин, священнослужитель, монах, мирянин; атрибутами — мечом, копьем, евангелием, свитком; позой — фронтальной, коленопреклоненной, молитвенной и пр.; жестами. Его внутренний, духовный облик передавался главным образом соответственной трактовкой лица: ясным, открытым, добрым или даже ласковым, в других случаях, наоборот, суровым и грозным взглядом глаз, поднятыми или сдвинутыми и насупленными бровями и т. д. В соответствии с содержанием образа избирались прочие художественные средства: красочный строй иконы и его доминанты, композиционный ритм.

Продуманным и творческим применением указанных средств достигалось то, что в бесконечном, казалось бы, повторении одних и тех же лиц их канонизированные иконографические черты — волосы кудрявые, лоб лысый, борода широкая или длинная — как бы выносились за скобки, в виде общего множителя, внутри же скобок всякий раз давалось свое, неповторимое зерно художественного образа. За подробностями и количеством, как будто бы одинаковыми для всех спасов, богоматерей, георгиев, никола и т. д., часто вскрывается «сверхзадача», решавшаяся по-разному. Ограниченные наперед данным кругом сюжетов, древнерусские иконописцы тем более сосредоточивали свой талант и свои силы на художественной выразительности создаваемых образов.

*

Первой и общей причиной эволюции «структуры человеческого образа»⁷ в изобразительном искусстве древней Руси, как и в литературе, было, конечно, общее развитие культуры. Рассматриваемая в этом плане, эволюция была неизбежным следствием расширяющегося познания действительности и духовного прогресса.

Отражение действительности — «общий характеристический признак искусства, составляющий самую сущность его»,⁸ какими бы формами это отражение не было опосредствовано, в том числе формами средневековой религиозной живописи. Но естественно, что, основанная на несовершенном познании действительности, средневековая живопись лишь постепенно овладевала способностью давать все более правдивые ее отражения.

На ранней ступени развития, в искусстве XI—XII вв., образы людей были скорее образами представителей определенных общественных положений: церковных пастырей, монахов, воинов, князей, изображаемых не в живой, бытовой среде, а в некоей иератической и социальной отвлеченности, притом только с положительной стороны, с точки зрения идеальных представлений о данном сане или должности. Если князь, то, пользуясь чертами из синхронных литературных портретов, «красен, высок», «аки воин изящен», «всячески украшен», «шит его яко заря... сабля златом украшена якоже дивитися, кожюх же оловира грецького... сапозы зеленого хза шити золотом». Если церковный герой — епископ, пресвитер, монах, то «проповедник истины», «святыни податель», «муж благ», «постник» и «книжник». В образах живописи XI—XII вв. редко выражены признаки индивидуального внутреннего мира чувств. Монументальный стиль ее чужд житейской конкретности. Тем не менее и эта художественная си-

⁷ Д. С. Лихачев. Изображение людей в житейной литературе конца XIV—XV в., стр. 113.

⁸ Н. Г. Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности. ОГИЗ, 1948, стр. 131.